

**МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

Исторический факультет

На правах рукописи

УСЕНКО ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВИЧ

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ НАРОДНЫХ
ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ XVII–XVIII вв. (НА ПРИМЕРЕ ВОССТАНИЯ
К. А. БУЛАВИНА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 1991

[обложка]

Работа выполнена на кафедре истории СССР периода феодализма исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент Шульгин В.С.

Официальные оппоненты – доктор исторических наук
Павленко Н.И.
кандидат исторических наук
Соловьева Т. Б.

Ведущая организация – Институт истории СССР АН СССР.

Защита состоится 24 декабря 1991 г. в ____ час.

на заседании специализированного Совета по истории СССР
К 053.05.27 в МГУ по адресу: Москва, Ленинские горы,
1-ый корпус гуманитарных факультетов МГУ, исторический
факультет, ауд. 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А. М. Горького (Ленинские горы, 1-ый корпус гуманитарных факультетов МГУ).

Автореферат разослан " ____ " _____ 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета
по истории СССР
доцент
Кислягина Л. Г.

I. Общая характеристика работы.

Актуальность темы. Помимо дискуссионности многих моментов истории булавинского восстания, обращение к ней актуально ещё по ряду причин. Решение вопросов, связанных с историей восстания К. А. Булавина, позволило бы яснее представить развитие социального протеста в XVII–XVIII вв., эволюцию социально-политических представлений народных масс. Рассмотрение восстания К. А. Булавина в идейно-психологическом аспекте представляется актуальным по той причине, что для большого количества исследований по истории классовой борьбы в феодальной России характерно невнимание к социальной психологии, к особенностям мышления масс в ту эпоху.

Методологической основой исследования является теория классовой борьбы, а также марксистско-ленинское положение об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию и об относительной самостоятельности, активности последнего. Социально-политические представления участников народных выступлений XVII–XVIII вв. рассматриваются как единая система – сплав мышления, переживания и деятельности. Ввиду этого понятие "социально-политические представления повстанцев" оказывается более широким, нежели "идеология народных движений". Наконец, исследование строится на сочетании конкретно-исторического и системного подходов.

Степень изученности темы. Подавляющее большинство дореволюционных историков негативно оценивало народные выступления, усматривая в деятельности правительства только прогрессивные черты. Восстание К. А. Булавина оценивалось как анархический бунт, направленный на разрушение государственного организма, как реакционная борьба старого с новым.

Советские историки видят в булавинском восстании одно из звеньев непрерывной цепи народных выступлений против феодального гнёта, подходят к нему как к прогрессивному явлению. Смена идеологических парадигм повлекла за собой усиление интереса к выступлению. Появились первые монографии по истории восстания, выросло число публикаций на эту тему, значительно расширилась источниковая база исследований.

Наибольший вклад в изучение темы среди советских историков внесли Н. С. Чаев, В. И. Лебедев, Е. П. Подъяпольская, А. П. Прон-

[с. 1]

штейн и В. И. Буганов.

Если отойти от хронологического принципа, то всю историографию восстания К. А. Булавина можно разбить на 4 направления. Одни авторы видят в нём чисто казацкое выступление – как по движущим силам, так и по устремлениям, лозунгам (А. И. Ригельман, В. Б. Броневский, С. М. Соловьёв и др.). В других работах оно называется казацко-крестьянским восстанием (Н. И. Краснов, М. Н. Корчин, В. А. Голобуцкий и др.). Часть исследователей представляет выступление как крестьянско-казацкое восстание (И. И. Голиков, А. Г. Попов, В. Д. Сухоруков и др.). Наконец, 4-ое направление в историографии, родившееся в советское время, характеризуется тем, что булавинскому восстанию присваивается статус крестьянской войны (В. И. Лебедев, Е. П. Подъяпольская, В. Г. Карцов и др.). К последнему направлению примыкают работы, где разделяются восстание на Дону 1707–1708 гг. и крестьянское движение 1709–1710 гг. И то и другое объявляется частью третьей крестьянской войны в России, но при этом восстание на Дону оценивается как типично казачье (А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, 1983; В. И. Буганов, 1986).

Историографическая разногласия во многом объясняется следующим. Общая оценка восстания К. Булавина является интегративным выводом, обобщением более частных заключений. В идеале эта оценка должна опираться на строго выверенные суждения по всем параметрам исследования. Но, к сожалению, такая полнота анализа соблюдается не всегда.

Одни авторы обращают главное внимание на движущие силы, социальную базу восстания, не придавая равного значения анализу лозунгов и планов булавиновцев. В этом случае цели и намерения повстанцев часто автоматически выводятся из факта участия в выступлении тех или иных социальных сил. Другие исследователи, наоборот, за отправную точку анализа берут заявления и программные документы восставших, а уж затем, в соответствии с полученными выводами, судят о движущих силах и социальной базе восстания. Однако в обоих случаях действия восставших рассматриваются с точки зрения реализации в них повстанческой "идеологии", которая в некоторых работах характеризуется при помощи отдельных высказываний и лозунгов, соответствующих схеме исследователя. "Идеологии" отводится роль

с. 2

главного регулятора мыслей и действий повстанцев, а всё, что не подпадает под её проявления, либо объявляется следствием классовой незрелости выступления, либо попросту игнорируется.

Таким образом, распространенным недостатком историографии является "идеологизация" и связанная с ней схематизация булавиновского восстания. Избавиться от этого недостатка возможно лишь на основе всестороннего, системного подхода к проблеме, при котором восстание, во-первых, не просто ставится в единый ряд антифеодальных выступлений, но сопоставляется с ними по различным параметрам. Во-вторых, оно исследуется во всех аспектах с равным вниманием и, в-третьих, изучается на основе максимально широкого привлечения источников и учёта всех без исключения фактов и свидетельств, относящихся к теме исследования.

Историографическая разногласия в немалой степени вызвана и тем, что авторы по-разному понимают критерии, на основе которых тот или иной индивид, социальная группа включаются в число участников восстания под предводительством К. Булавина.

Для одних авторов понятия "движущие силы" и "участники восстания" равнозначны. Соответственно, участниками булавиновского выступления называются лишь "голубые" казаки (которые неправомерно отождествляются с рядовыми), а казачьей верхушке отводится роль душителей выступления (С. Г. Томсинский, В. И. Лебедев, Е. П. Подъяпольская и др.). Другая точка зрения основана на более внимательном отношении к источникам. Авторы, её разделяющие, доказывают, что среди восставших были и представители казачьей верхушки, которые, правда, называются "попутчиками" (Н. С. Чаев, А. П. Пронштейн, В. И. Буганов и др.).

Представляется, однако, что термин "попутчики" не очень удачен. В нём содержится намёк на некоторую заданность, неизменность движения, ход которого как бы не зависит от подключения к нему или отхода от него данной группы людей. Однако известно, что между "повстанцами" и "попутчиками" шла скрытая борьба, что они находились определённое время во взаимодействии. Поэтому, очевидно, нужно говорить именно об участии, пусть и временном, казачьей верхушки в булавиновском восстании. Отсюда следует, что понятие "участники движения" шире, чем его "движущие силы".

Каковы же критерии участия в восстании? Они, на взгляд

с. 3

автора, следующие: 1) непосредственная включённость индивида в состав повстанческого войска или организацию восставших вообще, 2) ведение им боевых действий в составе относительно автономной организации, отряда, но при подчинении повстанческому руководству или при поддержании с ним регулярной связи, 3) осознание индивидом или группой своих действий и планов как составной части восстания (в условиях полной независимости или отдалённости от повстанческого руководства, а также от основного района восстания).

Исходя из этого, среди участников булавинского выступления оказываются: 1) различные категории донского населения – "казаки", "голытьба", "бурлаки", 2) отряды из Запорожья, 3) жители "украинных" городов, 4) население деревень и сёл соседних с Доном уездов, 5) военные отряды кочевых народов Придонья.

Исследователи, относящие восстание К. Булавина к крестьянским войнам, ссылаются на то, что большинство казаков вышло из крестьян. Кроме того, авторы объединяют воедино события на Дону и выступления в Центре России в 1707–1710 гг.

Однако объединять отдалённые друг от друга выступления рамками единого движения можно лишь тогда, когда они, во-первых, находятся между собой в отношении "причина - следствие" (т.е. "центральное" восстание порождает выступления поддержки), а во-вторых, когда все участники данных выступлений считают себя соратниками, идут под общими лозунгами, с общими требованиями. Поскольку восставшие в центральных уездах не чувствовали себя сообщниками булавинцев, не разделяли их лозунги, то считать тех и других участниками единого движения вряд ли правильно.

Неправомерны ссылки и на социальное происхождение большинства казаков. С таких позиций и карательные войска, подавлявшие выступление, можно посчитать "крестьянскими", ведь рекрутов поставляло главным образом сельское население. Следовательно, нужно обращать внимание не столько на происхождение восставших, сколько на их социальное положение к моменту участия в движении, на то, в составе какой социальной группы или организации они к этому моменту находились. Очевидно, крестьянскими будут только те движения, большинство участников которых составляли собственно крестьяне – люди,

---

с. 4

на момент восстания занятые сельскохозяйственным трудом, входящие в состав общинной организации и действующие лишь посредством её.

Восстание К. Булавина в эту группу не попадает. Но поскольку в выступлении участвовали не одни лишь казаки, то данное определение имеет смысл и для него. Говорить, что в булавинском восстании принимали участие крестьяне и посадские люди, – это значит иметь в виду крестьян-общинников и членов посадской организации, не отделивших себя в своем сознании от "родной" социальной группы.

В предшествующей историографии недостаточно уделялось внимания вопросу о мотивах участия в булавинском выступлении. Последние чаще всего казались исследователям очевидными, напрямую выводились из экономического и социально-политического положения повстанцев.

В изучении причин и предпосылок восстания историографией сделано немало. Однако так и не был дан чёткий ответ, почему восстание вспыхнуло именно в октябре 1707 г., если сыски беглых проводились на Дону и раньше? Осталось до конца не выясненным и то, кто же был инициатором выступления – казачья верхушка или бывшие беглые ("голытьба", "новопришлые")?

Спорным является вопрос и об отношении повстанцев к монарху. Одни авторы отмечают, что недовольство донских казаков постепенным ограничением их прав обращалось не против царя, а против правительства ("бояр") и местной администрации. Другие исследователи полагают, что на рубеже XVII–XVIII вв. вера казаков в царя оказалась значительно подорванной. Наконец, ряд авторов считает, что вера в монарха была рассеяна ходом самого восстания.

От правильного понимания того, как относились повстанцы к Петру I, зависит решение вопроса о поводе восстания под предводительством К. А. Булавина. Как правило, исследователи мало задумывались над этим вопросом. В то же время приводимый отдельными авторами материал подталкивает к мысли, что повод булавинского восстания был каким-то образом связан с "наивным монархизмом" повстанцев.

Наиболее плодотворно над изучением социально-политических представлений булавинцев поработали советские историки. Однако и их работы не свободны от недостатков.

с. 5

Во-первых, ряд исследователей характеризует планы и намерения восставших слишком обобщённо, с помощью нескольких лозунгов и отрывков из "прелестных писем", которые зачастую и не комментируются авторами. Противоречия в среде повстанцев не замечаются или же отписываются на счёт "стихийности" и "классовой незрелости" движения. Во-вторых, исследователи, как правило, останавливают свои взоры на обращениях, воззваниях, речах повстанцев (на т.н. "идеологии движения"). В тени, таким образом, остаётся та часть социально-политических представлений булавинцев, которая не получила письменного или вербального выражения, осталась открыто не сформулированной. Имеется в виду поведенческий аспект общественного сознания повстанцев. Подобным образом за рамками исследования оставались фольклор и традиции казачества – одной из движущих сил выступления.

Наконец, можно заметить, что исследователи часто не берут в расчёт "контекст" выступления – конкретную ситуацию, которая определяла действия булавинцев в тот или иной момент времени, а также особенности мышления людей в ту эпоху. Авторы как бы свысока оценивают поступки восставших, подходя к этому с позиций сегодняшнего дня. Представляется, однако, что к оценке булавинского восстания очень важно подойти с позиций его времени, с учётом истории других народных выступлений в России XVII–XVIII вв.

Предмет и цели исследования. Предметом исследования являются планы, идеи, эмоции и действия булавинцев, имеющие общезначимый характер, т.е. выражающие типические стороны их сознания или же своеобразные, но касающиеся интересов общества в целом, основных его классов и слоёв.

Цели исследования следующие:

- 1) определить исторический "контекст" восстания К. А. Булавина, увидеть его на фоне других народных выступлений XVII–XVIII вв. в России, сравнить их между собой,
- 2) изучить с различных сторон социально-политические представления участников булавинского восстания: выявить как общие, так и специфические для тех или иных групп участников идейно-психологические черты; обнаружить глубинные факторы поведения и мышления восставших; охарактеризовать особенности их мировосприятия,

- 3) прояснить ряд спорных моментов истории булавинского восстания: мотивы участия в выступлении; основания для антифеодального союза казаков и другие слоёв трудящихся; отношение повстанцев к Петру I; повод выступления; хронология восстания; эволюция повстанческих планов; биография К. А. Булавина,
- 4) ответить на вопрос, правомерно ли отнесение восстания под предводительством К. А. Булавина к крестьянским войнам.

Источниковая база диссертации. Основной массив составляют документальные материалы по истории донского казачества и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв., – как опубликованные, так и архивные, извлеченные из фондов ЦГАДА (ф. б, 7, 9, 111, 371, 406, 842, 1149). Во вторую группу источников входят фольклорные произведения, бытовавшие на Дону накануне восстания К. Булавина. Третья группа источников представлена материалами повествовательного характера – свидетельствами очевидцев классовой борьбы в России XVII–XVIII вв. и записками иностранцев.

Научная новизна работы определяется прежде всего постановкой проблемы и подходом к её изучению. Впервые булавинское восстание исследуется не изолированно, а на фоне других народных выступлений в России XVII–XVIII вв., сопоставляется с ними по ряду параметров. Для изучения культурно-бытовых и социально-политических традиций, определявших жизнь людей на Дону и в соседних районах накануне восстания К. Булавина, для выявления глубинных факторов, влиявших на сознание и поведение булавинцев, впервые широко привлекаются фольклорные источники. Кроме того, в научный оборот вводится ряд архивных материалов.

Практическая значимость работы. Материал и положения, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы при написании общих и специальных курсов по истории России XVII–XVIII вв. и при изучении классовой борьбы в ту эпоху.

Апробация результатов исследования. Ряд положений диссертации изложен в указанных статьях автора. Работа обсуждалась и была одобрена на кафедре истории СССР периода феодализма МГУ (июнь 1991 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

II. Основное содержание диссертации.

Во введении обосновывается актуальность темы, излагаются методологические основания, на которых строится работа, даётся обзор литературы и источников, формулируются цели исследования.

Глава I. Своеобразие социально-политических представлений участников народных движений в России XVII–XVIII вв.

В первом параграфе характеризуется авторский подход к изучению социально-политических представлений повстанцев.

Большинство исследователей исходит из того, что общественное сознание состоит из двух уровней: высшего – идеологии и низшего – общественной психологии. Одни авторы считают, что при феодализме сознание трудящихся замыкалось в рамках общественной психологии, не поднимаясь до уровня идеологии (Б. Ф. Поршнев, Б. Г. Литвак, М. А. Рахматуллин и др.). Другие доказывают наличие и высшего уровня в общественном сознании масс (А. П. Пронштейн, А. Л. Шапиро, В. И. Буганов и др.).

Автор придерживается той точки зрения, согласно которой нельзя противопоставлять идеологию и общественную психологию, поскольку они хотя и соотносятся друг с другом, но представляют собой "параллельные" явления. В этом смысле они равнозначны, поскольку сознание вообще представляет собой единство познания и переживания. Это значит, что общественная психология – не низший уровень общественного сознания, а сторона его, неотъемлемый атрибут (Ю. Р. Тищенко, А. К. Уледов и др.).

Другим его атрибутом является познание, мышление. Рациональный уровень общественного сознания масс в эпоху феодализма включает в себя и социально-политические представления, которые по своему содержанию делятся на религиозное сознание, нравственное, правовое и политическое. Интегративным образованием, связующим перечисленные сферы, выступает идеология – система взглядов, используемая определённым классом (сословием) в его политической борьбе и выражающая в той или иной мере его интересы.

Для адекватной оценки уровня политической сознательности трудящихся в феодальной России предлагаются следующие логические основания. Во-первых, нужно учитывать исторический характер форм идеологии и связанный с этим субъективный фактор –

с. 8

добровольное признание тем или иным классом (сословием) данной системы взглядов в качестве своей идеологии. Поскольку какая-либо система взглядов используется массами в их политической деятельности, поскольку эта деятельность подразумевает осознание своих потребностей в виде интересов, постольку данная система взглядов является выражением этих интересов и, следовательно, – идеологией. (Например, религия – ложная, ненаучная, но тем не менее всеобщая форма идеологии в средневековье).

Во-вторых, следует учитывать степень соответствия стремлений и требований повстанцев объективным задачам эпохи. Нельзя упрекать участников народных движений в России XVII–XVIII вв. в том, что они не осознали необходимость изменить общественный строй. Ведь задача ликвидации феодализма могла родиться (и родилась) только в условиях его кризиса.

В-третьих, при оценке социально-политических представлений масс в России XVII–XVIII вв. нужно учитывать и то, насколько полно и удачно народные массы использовали объективно обусловленные возможности для выработки радикальных лозунгов, для самостоятельного анализа общественной жизни: каковы были (и были ли) эти самые возможности, в какой степени характер мышления и уровень образованности широких масс позволял им воспринять передовые учения и лозунги, насколько их требования соответствовали тому мыслительному материалу, который предоставила им эпоха.

Говоря о России XVII–XVIII вв., следует отметить, что мышление народных масс той эпохи коренным образом отлично от современного сознания. Основными чертами народной культуры в то время были устность; традиционность; легковерие; ориентация на сакральное; смешение вымысла и яви, чудесного и реального; недифференцированность взглядов и представлений; превалирование эмоционально-чувственной сферы над рассудочной; повышенная внушаемость; слабая выраженность индивидуального начала, "соборность" личности. (См. работы Ю. М. Лотмана, П. Я. Мирошниченко, А. Г. Лурия, А. И. Клибанова, А. П. Щапова, Л. А. Чёрной, М. Б. Плехановой, А. Я. Гуревича и др.).

Из этого следует, что у народных масс России в XVII–XVIII вв. идеология была. Но она имела качественно иную, отличную от современной, форму. Народная антифеодальная идеология того

с. 9

времени не претендовала на научность, логичность и стройность, на то, чтобы служить программой (в современном понимании) политической борьбы класса. Она не имела специфического понятийного аппарата, строилась на иных мировоззренческих посылах, нежели в наше время. Она была более аморфной и приземлённой, а зачастую и просто примитивной, если судить о ней с позиций сегодняшнего дня. Но это всё говорит не об отсутствии народной идеологии, а об её специфике.

Стремление лишь улучшить, исправить феодальную систему (при её сохранении), требование ликвидации крепостного права были тем максимумом, до которого только и могли подняться народные массы при их уровне сознания в XVII–XVIII вв. Выдвинуть более радикальные и научно обоснованные лозунги, равно как таковые воспринять, они были не в состоянии.

Второй параграф посвящён вопросу о поводе народных движений в России XVII–XVIII вв.

Автор пришёл к выводу, что повод не был просто зацепкой для осуществления заранее обдуманых действий. Повод, рождавший движение наступательного характера, был не только той каплей, которая переполняла чашу народного терпения. Он был ещё и санкцией на выступление, освящением его, он представлял выступление в глазах масс (ещё до их участия в нём) в качестве законного, справедливого, необходимого. Кроме того, повод нёс в себе определённый план действий, указание на главную цель движения и подсказывал его лозунги.

Можно выделить два типа поводов, порождавших антифеодальные выступления наступательного характера: 1) чисто религиозные, связанные с защитой (в народном понимании) бога и веры, 2) поводы, обнаруженные благодаря "наивному монархизму" трудящихся.

Религиозные и царистские взгляды были двумя вариантами одной и той же, причём единственной, формы политического сознания масс в России XVII–XVIII вв. Однако можно заключить, что царистские взгляды, составляя ядро общественно-политических представлений трудящихся, давали большую свободу для развёртывания антифеодальной борьбы, чем чисто религиозные лозунги.

В третьем параграфе разбирается отношение народных масс к монарху и роль самозванчества в народных движениях XVII–XVIII вв. в России.

с. 10

Многие исследователи убеждены, что в ходе классовой борьбы "царистские иллюзии" масс изживались. При этом поддержка самозванца объясняется стремлением трудящихся возвести на трон своего, "мужицкого" монарха, а выдвижение царистских лозунгов – их агитационным зарядом. "Наивный монархизм" предстаёт лишь оболочкой, прикрытием антифеодальных устремлений масс. Но так ли было на самом деле?

В массовом сознании XVII–XVIII вв. царская власть воспринималась как обладающая божественной природой. Считалось, что человека царём делает не венчание на царство, но предназначение, божий промысел. На основе этих представлений выработалась некоторая совокупность критериев для отличения "истинного" монарха (претендента на престол) от "ложного":

1) наличие "царских знаков" на теле, 2) соответствие политики царя (претендента) "божьей правде", т.е. интересам народных масс, их представлениям о справедливости и законности, 3) образ жизни, степень его соответствия "царскому чину" (верность православию, национальным традициям и пр.), 4) поддержка со стороны казаков, а затем и других слоёв

населения, "всего мира", 5) удачливость, свидетельствующая о богоизбранности "истинного" государя, наличие военных успехов в его борьбе за власть, 6) осуществление плана, хранящегося в народном сознании (наказание угнетателей, возвышение соратников, поход на Москву и проведение коренных социальных реформ).

Таким образом, далеко не всякий мог объявить себя царём и получить поддержку в народе. Кроме того, и сами самозванцы могли быть убеждены в том, что наличие у них на теле определённых знаков свидетельствует об их отмеченности. Критерии для отличия "истинного" царя от "ложного" были таковы, что при нарушении естественного порядка престолонаследия самозванец мог с полным правом оспаривать царский трон у правящего монарха.

Анализ истории крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. доказывает, что восставшие поддерживали самозванцев и использовали царистские лозунги не только как дань традиции и в целях агитации. Общественно-политические взгляды участников крестьянских войн были вписаны в комплекс царистских представлений, поэтому восставшие не могли играть с этими представлениями, например, поддерживая заведомого самозванца.

с. 11

Отсюда следует, что, кроме социально-экономических и политических причин крестьянских войн, нужно выделять идейно-психологические, лишь в соединении с которыми первые две группы факторов и приводили к перерастанию народного недовольства в высшую форму классовой борьбы.

Почвой для народных выступлений был, как известно, процесс усиления феодального гнёта. Однако понятие "гнёт" не тождественно "эксплуатации". Последняя – чисто экономическая категория, в то время как семантика "гнёта" включает психологический, оценочный момент – осознание этой самой эксплуатации и чувство недовольства ею. "Рост гнёта" мог происходить и при сохранении прежнего уровня эксплуатации. Всё дело в том, насколько этот уровень выглядит в глазах трудящихся терпимым, насколько безусловен для них сам факт эксплуатации. Рост гнёта, т.е. чувства нестерпимости эксплуатации, мог быть, например, следствием изменения социального статуса, экономического положения, а также дискредитации эксплуататоров в глазах эксплуатируемых.

Падение авторитета угнетателей было непременным условием классовой борьбы. Дабы обострённое чувство недовольства вылилось в войну угнетённых против угнетателей, нужно было, чтобы массы увидели законность и необходимость такого выступления. А это было возможно лишь при получении высшей санкции или при полной уверенности, что она будет (уже) получена. Совсем не случайно, что восстания И. Болотникова, С. Разина и Е. Пугачёва были связаны с самозванчеством. Очевидно, в число обязательных признаков крестьянских войн необходимо включать не просто "царистские иллюзии", веру в "хорошего" царя, а именно поддержку ("бесхитростную") самозванца.

Поскольку настоящий (с точки зрения масс) царь должен был опираться на казаков, то для возникновения крестьянской войны требовалось ещё одно условие. Чтобы самозванец был принят казаками как "законный государь", поддержан силой их оружия, ему необходимо было встретиться с ними тогда, когда недовольство казаков их жизнью было наибольшим. Крестьянская война вспыхивала лишь при появлении самозванца в момент синхронного обострения недовольства среди казаков и крестьян.

Идейно-психологической почвой, на которой то и дело "вырастали" самозванцы-бунтари и на которой основана удивитель-

---

с. 12

ная активность обычно тяжёлых на подъём крестьян, была народная эсхатология, вера в приход Антихриста и скорый конец света. Постоянное психическое напряжение толкало людей на поиски пути личного спасения. В зависимости от склада личности, этот путь мог предстать как уход от мира – "царства зла", так и в виде стремления покончить со злом. В последнем случае индивиду требовалось определить себя как личности, что в условиях XVII–XVIII вв. было связано с выявлением в себе сакральных черт. Эта самосакрализация при сознании наступления "последних времен" и может объяснить огромное количество самозванцев, претендующих не только на титул царя, но и святого, их веру в своё избранничество. Само стремление бороться со злом при наличии ряда условий осознавалось индивидом как мессианская функция.

Спад эсхатологического накала в конце XVIII – первой половине XIX вв. не только сузил возможности для получения тем или иным самозванцем широкой поддержки, но и привёл к тому, что самозванцы больше не стремились к борьбе с социальным злом, вполне довольствуясь осуждением "греховного" мира и его неприятием.

Глава 2. Общее и особенное в социально-политических представлениях казаков и других участников народных движений в России XVII–XVIII вв.

В первом параграфе идёт речь о типических чертах в представлениях повстанцев.

В общественно-политических взглядах повстанцев условно выделяются два уровня – идеологический и "субидеологический". К последнему причисляются следующие идейно-психологические образования: 1) отношение к собственности и богатству, 2) понимание справедливости и законности, 3) понимание равенства и авторитета, особенности народного демократизма, 4) представления о "воле" и свободе, 5) установки и нормы поведения, особенности восприятия социальной информации.

В область повстанческой идеологии включаются идейно-психологические феномены (взгляды, мнения, суждения, отношения, переживания), которые в той или иной мере выражают осознание восставшими своих интересов или связаны с этим осознанием, делают его возможным. Имеются в виду цели, лозунги и планы восставших, степень их радикальности, отношение повстанцев

с. 13

к врагам, союзникам, а также к себе, своим действиям и к движению, в котором они участвуют. Сюда же относятся религиозные взгляды, получившие по тем или иным причинам политическую окраску или звучание.

Автор пришёл к выводу, что религиозно-царистские взгляды не только составляли ядро социально-политических представлений масс, но и определяли их ценностные ориентации. При этом для трудящихся XVII–XVIII вв. важно было не просто находиться в подданстве у великого государя, а служить ему, видеть себя состоящими у него на службе. Народные массы много ждали от монарха, но при этом считали, что удовлетворение их чаяний наиболее реально в виде ответного шага со стороны царя за их заслуги перед ним. Участие в антифеодальных выступлениях под царистскими лозунгами, с точки зрения трудящихся, было одной из таких заслуг.

В повстанческой идеологии XVII–XVIII вв. типичными являются следующие черты: 1) действия по принципу "кто не с нами – тот против нас", 2) избирательный подход к представителям господствующего класса и иноземцам (по принципу "добры – недобры"), 3) представление, что "изменник" – пособник дьявола, что он вне общества, вне закона, 4) "диффузное сознание" – безотчётная экстраполяция своего конкретного, локального опыта на более широкие сферы жизни, "подстановка" своих взглядов и убеждений в сознание представителей других слоёв общества, 5) использование

патриархальных представлений и лексики для осмысления и обозначения социальных отношений более широкого, нежели семейные, характера, 6) "ситуативность", "окказиональность" в употреблении и понимании общественно-политических терминов.

На "субидеологическом" уровне сходные черты в социально-политических представлениях участников народных выступлений таковы: 1) отсутствие уравнилельной психологии, иерархичность повстанческого демократизма, 2) уважение к тем, кто стоит на более высокой ступени социальной лестницы, понимание авторитета как производной от социального статуса индивида, 3) повышенное внимание к ритуальности и знаковости поведения, 4) взгляд на грабёж "изменников" как на акт справедливости, конфискацию незаконно нажитого имущества, 5) различие "воли" и "свободы", которые оказываются частными характери-

---

с. 14

ками "вольности" – жизни после освобождения от крепостного гнета и изменения социального статуса трудящихся.

Во втором параграфе рассматриваются глубинные факторы поведения булавиинцев, особенности мировоззрения донского населения и жителей Запорожской Сечи.

Исследование строится на анализе донских традиций и фольклора. Автор исходит из следующих положений. Первое – в России XVII–XVIII вв. традиции той или иной социальной группы являлись не только "зеркалом" её общественного сознания, но и неким "руководством к действию" – набором установок, стереотипов, норм поведения и мышления, определяющих жизнедеятельность членов данной социальной группы. Передача традиций осуществлялась во многом благодаря фольклору, который был их выражением и объяснением, реализацией скрытых в них установок и воззрений.

Второе – среди булавиинцев преобладало донское население. Оно в начале XVIII в. представляло собой единую организацию, руководящие позиции в которой принадлежали казакам. Их традиции и фольклор были "своими" и для других категорий донского населения, поскольку все помыслы беглых и "бурлаков" были связаны со стремлением "показачиться".

Третье – по фольклору и традициям, бытовавшим на Дону в конце XVII – начале XVIII вв., можно судить и об общественном сознании жителей Сечи. В жизни и в положении донских и запорожских казаков было много общего; весьма тесными были и их военно-политические, а также фольклорные взаимосвязи.

Четвёртое – в фольклоре огромную роль играет подтекст, те представления, которые не получили выражения в данном произведении, но без которых оно не может быть адекватно понято. Необходимо сопоставлять фольклорный материал с данными других источников, в первую очередь – документальных.

Перечень отличительных черт социально-политических представлений донских казаков (следовательно, и большинства булавиинцев) оказался таким: 1) отождествление "воли" и казацкой жизни, казацких порядков, 2) дисциплинированность, беспощадность к нарушителям "казацкой обычности", 3) иерархичность и относительность казацкого демократизма, 4) сознание своего единства с казаками других областей, которое, однако, не предохраняло от столкновений с последними, 5) социально-психоло-

---

с. 15

гическая регламентированность поведения казака, 6) представление о высоком социальном статусе казаков, не уступающих в этом отношении дворянам и боярам, 7) взгляд на себя

как на вассалов царя, фактическим заместителем которого была выборная казачья администрация, 8) "диффузное сознание", 9) гибкость в отношении к "басурманам" и "немцам", 10) "локальность" патриотизма, основанного на соблюдении специфически казачьих интересов, 11) терпимое отношение к классу феодалов и феодальным порядкам, 12) чувство превосходства над представителями податного населения.

Изучение фольклора и традиций донских казаков позволяет утверждать, что база для антифеодального союза казаков и других слоёв трудящихся была достаточно узкой. Этот союз не мог быть прочным и длительным без наличия двух условий: общей уверенности в том, что движение направлено на защиту "истинного" монарха, и признании главенствующей роли казаков со стороны других участников выступления. Кроме того, специфическим фактором, необходимым для активного и массового участия казаков в антифеодальном выступлении, было получение на это санкции от войсковой администрации или, по крайней мере, отсутствие запрета с её стороны.

Автор пришёл к выводу, что стихийность (спонтанность) классовой борьбы в России XVII–XVIII вв. была возможной потому, что готовиться к борьбе специально нужды не было. Такая готовность всегда присутствовала в сознании трудящихся – в виде однотипного латентного плана, сутью которого было истребление носителей социального зла (состав которых определялся в тот или иной момент по-разному) и принятие справедливых законов "истинным" монархом. В основе этого плана лежали фольклорные и религиозно-царистские представления, определяющие условия, пути и время его осуществления. Будучи неизменным по своей сути, этот план постоянно обновлялся в деталях, конкретизировался в содержании.

Третий параграф является развитием и одновременно доказательством двух предыдущих. В нём на основе анализа документальных материалов по истории булавинского восстания рассматриваются типические черты в социально-политических представлениях его участников.

Сходство общественного сознания булавинцев с идейно-психо-

с. 16

логическими чертами участников других народных движений XVII–XVIII вв. проявлялось в отношении повстанцев к представителям других сословий и иноземцам, в определении своих союзников и врагов, в понимании равенства, демократизма и авторитета, во взгляде на "волю", наконец, в наличии общих установок и стереотипов восприятия и поведения ("диффузное сознание", локальность мировосприятия и т.д.).

Что касается отличий, особенностей общественно-политических взглядов булавинцев, то они на проверку оказываются опять-таки типическими образованиями. Но характерными уже не для всех народных выступлений в России XVII–XVIII вв., а только для тех из них, в ходе которых главную роль играли казаки.

Из всего этого следует, что антифеодальная борьба в эпоху феодализма велась под влиянием традиций, благодаря им, что она сама была их частью. Значит, для её изучения просто необходимо привлекать данные о фольклоре и традициях тех социальных групп, которые принимали участие в этой борьбе.

Глава 3. Восстание К. А. Булавина в идейно-психологическом аспекте.

Первый параграф посвящен политическим настроениям на Дону и в соседних уездах накануне восстания.

Материалы Преображенского приказа позволяют сделать вывод о лояльности в целом жителей пограничных с Доном уездов. Уже сама малочисленность дел, отсутствие упоминаний о широкой распространённости антицаристских настроений говорит об этом. Что касается мыслей о борьбе о "боярами", то их осуществление связывалось с выступлением

донских казаков, с появлением на территории государства антиправительственной воинской организации.

Лояльной по отношению к монарху оставалась и основная часть донского населения. Лишь "староверы" из числа верховых казаков отказывались считать Петра I своим государем. Последним в их глазах был царь Иван, якобы избежавший смерти и живущий в Иерусалиме. Впрочем, число раскольников на Дону было небольшим, поскольку они преследовались и были вынуждены скрываться.

Фактором, препятствующим распространению антицаристских и бунтарских настроений на Дону, была суровая дисциплина,

---

с. 17

характерная для внутренней жизни Войска Донского. Одной из казацких добродетелей было беспрекословное подчинение войсковой администрации, которая считала, что казакам "от великого государя никакого утеснения нет". Войсковой атаман и старшины использовали дисциплинированность казачества в своих интересах, а также в интересах самодержавия. Именно на войсковой верхушке лежит ответственность за то, что донские казаки не только не поддержали восстание в Астрахани 1705 г., но и оказались в числе его душителей.

К. А. Булавин был типичным представителем донского казачества – лояльным по отношению к царю и официальной церкви, готовым к защите казачьих прав от посягновений на них со стороны "бояр", дисциплинированным, уважающим "казацкую обыкность" (т.е. традиции и законы Войска Донского).

В 1703–1706 гг. К. Булавин был атаманом бахмутских казаков, руководил борьбой за спорные угодья с Изюмским слободским полком. В этой борьбе он следовал директивам Войска, однако в конечном счёте поплатился за своё усердие. Войсковая администрация, желая оправдаться перед царём, представила Булавина главным виновником тех "обид", что были причинены жителям Изюмского полка. Он был снят с атаманства в Бахмуте, а когда на Дону объявились "сыщики" во главе с князем Ю. В. Долгоруким, из Черкаска поступило распоряжение арестовать К. Булавина и выдать его князю.

Справедливое негодование К. Булавина, его враждебность к войсковому атаману "с товарищи" были одним из тех обстоятельств, которые поставили его во главе восставших. Другими причинами взлёта Булавина были его тайный союз со старшиной И. Зерщиковым, опыт атаманства и связанный с этим авторитет, наконец, социальное происхождение К. Булавина. По мнению автора, он вышел из детей боярских и до ухода в казаки жил на территории Слободской Украины. На Дону К. Булавин осел до 1695 года и к моменту выступления считался "старожилым", но не "природным" казаком.

Во втором параграфе рассматривается вопрос о поводе булавинского восстания.

Структура повода оказывается сложной. Решимость повстанцев идти на "бояр, немцев и прибыльщиков" во многом была вызвана слухами о смерти Петра I и царевича Алексея от рук заго

с. 18

ворщиков, среди которых упоминался и А. Д. Меншиков. Появление на Дону сыскального отряда Ю. В. Долгорукого было расценено как доказательство боярского произвола, как неоспоримое свидетельство того, что царя нет в живых. Именно поэтому "бурлаки", "голытьба" и казаки, поддержавшие К. Булавина, посчитали возможным оказать вооружённое сопротивление "сыщикам".

Помимо всего прочего, повстанцы были уверены в том, что их выступление санкционировано войсковой администрацией, что оно законно и с точки зрения "казацкой обычности". Эта уверенность К. Булавина и его соратников основывалась на письмах и обещаниях старшины И. Зерщикова, который призывал к истреблению "сыщиков", выступая от имени всего "Войска" – казачьей верховной власти.

Совпадение трёх указанных факторов и породило восстание под предводительством К. А. Булавина. Как и во время других выступлений в России XVII–XVIII вв., повод восстания определил его цели и лозунги. Главной целью булавинского выступления было возмездие за смерть царя и царевича, возведение на престол "истинного" монарха. Восставшие планировали поход в Польшу, где, по слухам, смерть и настигла Петра I.

Однако планы булавинцев не оставались неизменными, они менялись. Характер и ход их эволюции анализируются в третьем параграфе.

В своём развитии планы восставших прошли 4 стадии. Первоначально (до 18 октября 1707 г.) повстанцы предусматривали истребление "сыщиков", присоединение к выступлению всех казаков, взятие Азова и Таганрога, поход на Москву и затем в Польшу для наказания "бояр, немцев и прибыльщиков".

После разгрома восставших 18 октября 1707 г. повстанческие планы несколько изменились. Первым их пунктом стало наказание предателей и пособников "бояр" в среде самих казаков, отмщение тем, кто руководил карательными акциями против булавинцев. Кроме того, расширился список реальных и потенциальных союзников восставших, предполагалось привлечь к участию в выступлении ряд кочевых народностей.

Третий период в эволюции планов восставших охватывает промежуток с 3 мая по конец июня 1708 г. Взяв Черкасск, повстанцы узнали, что слухи об убийстве Петра I оказались ложными, что царь жив и здоров. Выступление, таким образом, те

с. 19

ряло для его участников свой законный и необходимый характер. К. А. Булавин, избранный войсковым атаманом, предпринимает меры к тому, чтобы оправдаться перед царём, остановить карательные войска. Глава восставших уверяет царя и его "полководцев" в лояльности и миролюбии казаков, рассылает по всему Дону приказы о прекращении военных действий против царских отрядов. Пётр готов поверить Булавину. Он отдаёт распоряжение не трогать казаков, если те не предпримут активных действий. Но злую шутку сыграло несовершенство системы связи.

Приказы Булавина доходили до окраин области Войска Донского через 9–10 дней. Соответственно, повстанцы на периферии не успевали вовремя среагировать на изменения в планах повстанческого руководства, действовали в духе прежних – "боевых" – директив К. Булавина. Сообщения же о том, что набеги и столкновения булавинцев с правительственными войсками не прекращаются, заставляли советников Петра I видеть в миролюбивых предложениях К. Булавина одну лишь хитрость.

Недоверие к словам руководителя восставших питалось ещё и разведанными о намерениях и действиях булавинцев. Эти данные получали главным образом путем расспросов т.н. "выходцев с Дона". Последние часто сообщали устаревшую информацию, однако её воспринимали в правительственном лагере как свежую, актуальную. Другими словами, восставшие и их противники действовали во многом наощупь, вслепую, не зная истинных намерений противоположной стороны в данный момент и вводя друг друга в заблуждение.

В то самое время, когда карательные войска получили царский приказ продолжить наступление на Дон, восставшие успокоились, уверовали в то, что конфликт исчерпан. В Черкасск с месячным опозданием пришел тот самый указ, в котором Пётр запрещал трогать

казаков. Булавин разрешил части казаков воротиться домой, а другую часть призвал в Черкасск для подготовки похода на Азов. Губернатор Азова, по мнению повстанцев, нарушил царский указ, отдав распоряжение отогнать у восставших лошадей. Планируемый поход на Азов, таким образом, оказывался выступлением не Против царя, а за него, в защиту его авторитета.

Последний, четвертый период в развитии планов восставших относится к концу июня 1708 – середине июня 1709 гг. Вторже-

---

с. 20

ние больших сил карателей на территорию Войска Донского способствовало тому, что в среде повстанцев ожили сомнения в благополучном здравствовании Петра I, что вновь были подняты лозунги первоначального этапа восстания. Снова булавинцы планировали поход на Москву и в Польшу после "очистки" Дона от карателей. Но, увы, этим планам не суждено было сбыться.

В заключении подводятся итоги исследования. Автор полагает, что среди причин поражения булавинского выступления следует отметить и идейно-психологические факторы, ослабившие единство и боевой настрой восставших. Во-первых, различное усмотрение ближайших жизненных целей разными группами повстанцев приводило к противоречиям и даже столкновениям между ними (например, между "бурлаками" и казаками, между запорожцами и донцами). Во-вторых, царистские воззрения сыграли не только роль "детонатора" выступления, не только помогли сформулировать его цели и лозунги, но и способствовали тому, что с июня 1708 г. восстание начало внутренне слабеть. Получение "милостивых" указов Петра расхолодило повстанцев, ослабило их боевой настрой, чем сразу же воспользовались их противники. Кроме того, боевой дух повстанческого войска снизилось обещание царя простить всех, кто покинет К. Булавина и повинится.

Одной из главных причин поражения булавинского восстания было отсутствие массовой поддержки его со стороны населения Придонья. Для обитателей Дона основными мотивами участия в выступлении были следующие: 1) стремление отомстить за смерть царя и царевича, 2) страх перед повстанцами, которые карали всех, кто не оказывал им поддержки, 3) привычка подчиняться войсковой администрации (что способствовало расширению выступления после того, как Булавин стал войсковым атаманом).

Жители же Придонья были вне юрисдикции Войска Донского, а страх перед восставшими гасился страхом перед царскими войсками, которые находились тут же, поблизости. Напрасно булавинцы рассчитывали и на то, что массы людей к ним приведёт стремление "показаться", обрести "волю". Те, кто к этому стремился, ушли на Дон ещё до начала восстания. Те же, кто остался на своих местах, часто страдали от набегов булавинцев, подвергались грабёжам с их стороны.

Наконец, плохо "работал" и такой мотив, как вера в закон-

с. 21

ность выступления, в то, что оно направлено против "изменников", погубивших царя и царевича. По всей видимости, слухи о заговоре не успели охватить всё население Придонья. Кроме того, часть недонского населения считала, что бунтовать нужды нет – власть в государстве находится у царевича Алексея, и он сам уже расправляется в Москве с "боярами".

Если давать общую оценку восстанию К. А. Булавина, то следует признать, что до уровня крестьянской войны оно не поднялось. Среди черт восстания отсутствуют три самых

важных

признака крестьянских войн. Выступление под предводительством К. А. Булавина не привело к освобождению значительной территории в районах крепостного землевладения. В движение не были вовлечены широкие массы общинного крестьянства; основной костяк участников составили жители Дона. Булавинское выступление не было связано с самозванчеством, с поддержкой "истинного" монарха в противовес правящему. Таким образом, выступление под предводительством К. А. Булавина следует квалифицировать как казацко-крестьянское восстание.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1) Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник Московского университета: Серия 8: "История". 1990. № 2. (1 п.л.)
- 2) Повод в народных выступлениях XVII – первой половины XIX вв. в России // Вестник Московского университета: Серия 8: "История". 1992. № 1. (в печати). (1 п.л.)

[с. 22]

Подписано к печати 28.10.91 г.
Объём 1,5 п.л. Тир. 100 экз. Зак. 504
Офсетное производство типографии № 3
Издательства "Наука"
Москва, ул. Рождественка, д. 12/1
